

Жажда новой Притчи

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1

– Это как курица и яйцо, что было раньше? Невозможно определить, разумное или интуитивное начало идет впереди. Наверное, толчок всему все-таки дает нечто эмоциональное и интимное. Грусть, тактильные ощущения, запахи. А потом они требуют опоры на определенную структуру. И в этот момент начинаются серьезные-серьезные исследования.

– Кто вам помогает их делать? Где обычно ищете материал?

– Сажусь, читаю книжки. В интернете ковыряюсь. На самом деле, я просто не знаю, занимаются ли этим русские авторы, – я же «англист», английскую литературу очень много изучал и преподавал даже. И понял, что весь XX век, по крайней мере ну – нормальные писатели, тот же Майкл Ойндаджи, Грэм Свифт, шли к подготовке романов годами. И у них этот самый insearch занимал уйму времени. То же самое, кстати, и с Оскаром Уайльдом – когда я диссертацию по нему писал, узнал. Человек в один прекрасный день целенаправленно начинает копать. И мне всегда это казалось как раз таки естественным процессом!

– Вы преподавали в университете. Как этот опыт отразился на вашем стиле, на темах?

– Конечно, опыт отразился. Критики активно зачисляют меня в ряды молодежных прозаиков. А этим я, несомненно, обязан долготу и плодотворному общению со студентами. Преподавал я в Якутском государственном университете – там проработал десять лет, и во многом это помогло сохранить ощущение меня двадцатилетнего. Там ребята попадались, конечно, и смешные, и наивные, и местами глуповатые. Но в них была такая вещь, специфическая, которая потом теряется всегда со временем. Знаете почему? Они сами ее теряют. Я потом встречался с ними через пять-семь лет. И я чувствовал, что – все тот же. А они уже изменились. Галстуки повязали, ботинки строгие надели. Серьезные такие!

– Вы как-то рассказывали о замысле романа «Песни Тома Уэйтса», который уже почти созрел. Откуда к вам пришел именно этот персонаж?

– Пришел он много лет назад. Опять же, когда у Анатолия Васильева в мастерской еще учились. Мой однокурсник Сережка Репецкий (Рева) как раз отвечал за новую музыку. Он тащил

все подряд: первым среди нас открыл «Наутилус». Гуд бай, Америка, о!.. «Ленинград» – лет десять еще назад, когда он не был широко известен. И он же откопал Уэйтса.

– Уэйтс для вас кто прежде всего – певец, поэт или актер?

– Он – все вместе. У меня довольно много его фоток, он же такой некрасивый, но клевый! Брестер – в нем есть самое важное. Для меня самое важное – нонконформизм. Ведь наше общество слишком конформистски настроено. И нонконформизм Уэйтса, его ирония по отношению к социуму и по отношению к себе тоже, меня устраивают полностью! Хотя мой мастер говорил, что ирония деструктивна. Любил учить: идите на жизнь лбом, прямым путем. Ты должен попытаться изучить жизнь, не иронизируя над ней.

– Как история Уэйтса будет связана с нашей современностью?

Меня окружает множество людей, моих друзей, которые уже – персонажи Тома Уэйтса!

– Они не будут связаны! Мне же важна интонация и поэзия лужерства, человека, которого отвергло общество за неподчинение нормам, а он и не сильно унывает. Я вижу, как опыты Уэйтса на нью-йоркском материале легко переносятся на материал московский. Меня окружает множество людей, моих друзей, которые уже – персонажи Тома Уэйтса! Хотя они, может быть, и не слышали его песен никогда.

– Мне показалось, что в двух ваших произведениях – в «Годе обмана» и в «Жажде» по крайней мере – доминирует образ Отца. Есть четко обозначенные Отец и Сын, и Сын тоскует по Отцу. Откуда такой акцент?

– Это все, знаете, связано с полтоном Сикстинской капеллы. Там Бог сидит и палец протягивает человеку. А тот протягивает его ухватить, и между их руками остается совсем чуть-чуть... Но это «чуть-чуть» все же остается. Зазор очень грустный. Но это и есть отношения Отец-Сын, Бог-Человек. Все время же хочется поддержки отцовской. А там – не дотягиваешься.

– А кто вам лично ближе – Сын или Отец?

– Я то там, то там. В семье, с детьми я – отец. А когда речь идет о моих религиозных взглядах, я – конечно же, сын. Всегда. У меня ощущение на эту тему такое: вечер, квартира, семья. Дети играют в своей комнате, а отец с матерью за дверью телевизор смотрят. И дверь приоткрыта – чтобы дети не боялись. Там – отец. Так и за мной в жизни – присматривают.

– На пути к Букеру в этом году кого своими главными конкурентами видите?

– Всех! Думаю, вообще у меня шансы плохи. Аксенову или Петрушевской дадут. Большие ребята.

– Ваша сценарная работа ест сительское время?

– К сожалению. С апреля месяца отложить пришлось «Степных богов», еще один мой новый роман. Сейчас надеюсь сдать наконец сценарий и закончить книгу. Без такой работы все равно

и должно быть. Существуют же знаковые имена, и в масскультуре в том числе. Весь процесс – его и не надо им знать. Он только критику нужен.

– Вы были еще и переводчиком. Рассказы Алексея Байера перевели на русский. Как так сложилось?

– Леша обратился к Диме Ицковичу, директору «Издательства ОГИ». Сказал, что пишет вещи, похожие на мои. А Ицкович отфуллил их мне, и я взялся. Очень много случайностей было в этом во всем. Мне кажется, что Байер, даже живя в Нью-Йорке – он там какой-то экономический консультант, – не испортил бы картину нашу московскую литературную сегодня. Идеи есть сильные. Вот представьте: человек отказывается говорить на немецком языке. Потому что – еврей. И много еще. Очень структурный автор. А этого, я имею в виду структурности мышления, не хватает многим нашим коллегам. Мышление должно быть композиционным.

– Есть планы перевести еще кого-нибудь?

– Я бы перевел некоторые романы. Но они уже переведены. Неплохо получается. Грэма Свифта «Последние заказы». Недавно по этому роману вышел фильм – с Бобом Хоскинсом и Майклом Кейном. Эти актеры для меня важны, и роман сам потрясающий. Свифт, например, сильно на меня повлиял. Я бы перевел Алису Уокер, «Цвет лиловый». Но – та же ситуация. Уже есть перевод.

– И все-таки чем вам тогда давно не угодил Фокс Малдер? Откуда название «Фокс Малдер похож на свинью»?

– Ничем не угодил! Название, оно же – ироничное. По отношению к ТВ как части массовой культуры. Я сам телевизор очень редко включаю. Но понял, что уже и новости стали банальными: вот упал самолет, 90 человек погибли. А по всей стране сколько умирает – от старости, от бедности? И об этих остальных никто не говорит. Выходит, есть смерть пропиаренная и – непропиаренная. Да еще – цену назначили: по 2000 долларов за человека. Поэтому и новости перестали меня интересовать. Для 95% людей телевидение – очень серьезный информативный и духовный, культурообразующий источник. Но... придумывал-то название повести не я! Моя дочка посмотрела на фотографию в журнале и сказала: «Смотри! Агент Малдер похож на свинью!»

Беседовала
Юлия Качалкина

никуда. Это же позволяет потом год-полтора спокойно писать, ни на что не отвлекаясь. Я же – безработный!

– А для кого вы пишете?

– Для телеканала «Россия». Работая с продюсером Ильей Неретиным и Тодоровским. Мне нравится.

– Вы недавно, этой весной, были в Удмуртии вместе с Мариной Вишневецкой на открытии проекта «Литературная столица». Много было молодежи и о чем спрашивали?

– Была молодежь. Были и библиотекарки! К современной литературе они все относятся очень просто. Они ее не знают! Марину они узнавали только потому, что она придумала домовенка Кузю. Начинать радостно размахивать руками и кричать «Кузя, ура!». Они с интересом нас спрашивали. Скажите, мол, каких писателей читать? И мне очень понравилось, как Марина встала вдоль полки «Вагриуса» и кратко им изложила по каждой фамилии! У нас ведь был настоящий просветительский десант. Ну знали они Марину, Акунина. Наверное, так